

«Васильев вечер» в Кенозерье: изучение, возрождение, интерпретация

Одним из аспектов текста культуры является определение наследия как ресурса развития территорий. Репрезентация празднично-обрядовой культуры является важным инструментом сохранения, возрождения и актуализации памятников национальной культуры.

Богатая православно-праздничная культура была неотъемлемой частью духовного и хозяйственного уклада жизни кенозерских крестьян. Миряне знали деление праздников на три чина (великие, средние и малые). Равнозначными великому (дванадцатым праздникам) считались престольные праздники (относящиеся в Уставе к средним праздникам), которые священники служили в Приходском соборе. Особенностью приходской жизни Кенозерья на рубеже XIX–XX веков было существование как церковных, так и часовенных приходов. В этот период на территории располагалось более 80 деревень, и почти в каждой из них была своя часовня. Часовенные приходы, хотя и входили в состав церковного прихода, в большинстве случаев имели относительную самостоятельность. Богослужение традиционно совершалось не только в приходском храме, но и часовне в день памяти святого, которому посвящен «малый храм». Для совершения праздничной службы крестьяне приглашали священника ближайшей церкви. Следовательно, часовни, как и церкви, являлись общественными центрами северных поселений и выполняли основные приходские функции. Часовенные богослужения составляли «народный кенозерский месяцеслов», включавший более 50 часовенных посвящений, которые от праздника «Рождества Христова» к «Ивану Купале» и от «Ивана Купала» до «Рождества Христова» органично создавали полный годичный праздничный круг.

С Днем памяти св. Василия Великого в русской народной традиции связана новогодняя обрядность. Васильев вечер – канун Нового года, приходился на 31 декабря по старому стилю. Крестьяне считали, что «Василий пополам Святки делит» на «святые вечера», освященные событием Рождества Христова, и «страшные вечера», отмеченные особым разгулом нечистой силы. В этой связи ряд действий и обрядов Васильева вечера носил охранительный характер. Домашний скот хозяйки старались пораньше запереть в хлев и «заговорить» с помощью молитвы: «Господи, благослови, Христос». С этой же целью на дверях домов и хлевов писали смолой кресты.

Как с рубежным моментом перехода от старого года к новому, с Васильевым днем были связаны представления о так называемой магии первого дня. Так, например, чтобы хорошо одеваться круглый год, в Васильев вечер для встречи Нового года обязательно надевали новую одежду. «Одеваться в праздник старались нарядно, жили, конечно, бедно, нового ничего не покупали, но мама всегда из старых вещей перешивала нам платья», – вспоминает С.И. Глуцневская (1947 г.р., д. Вершинино)¹. Повсеместно у русских существовало также убеждение в том, что

¹ Афонина И.М., Боголепова Н.А., Нечаева-Аникиева Е.И., Попова А.И. Опрос жителей деревень Вершинино, Усть-Поча, Морщининская по теме «Васильев день». Архангельск, 2014 г. Рукопись. Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 362. Далее будут указаны только Ф.И.О., г.р. информантов из названного документа.

если проводить старый год и встретить новый как можно веселее, то он пройдет счастливо. Поэтому вечером устраивались святочные игрища, гадания, ряженье. Перед Новым годом не давали в долг денег, чтобы в течение года в них не было недостатка. Получить же деньги в этот день считалось очень удачным, так как это предвещало прибыль в новом году. Даже дети на том же основании не давали займы «бабок» – игровых эквивалентов денег. Т.Д. Подгорних (д. Морщихинская) сообщает новогоднюю примету: «В Новый год ничего никому нельзя давать, до обеда нельзя даже открывать двери, ворота – плохая примета». Утром в день Нового года примечали: если первой в дом войдет женщина, это, по традиционным представлениям, принесет несчастье; а если первым гостем будет мужчина, то – к добру.

Магией первого дня обуславливалось также стремление к обильной и сытной еде в Васильев вечер. С этими же проблемами связаны магические обряды Васильева вечера и первого дня нового года, направленные на обеспечение благополучия, как в отдельных сферах крестьянской деятельности, так и во всем хозяйстве в целом. Очевидно, что в приметах отражены основные хозяйственные проблемы крестьянина: урожай, благополучие скота и здоровье самого человека. Так обряд посева, который производился по большей части утром в Васильев день, осмыслялся как необходимая акция для получения хорошего урожая в новом году (ил. 1). Наиболее характерными новогодними гаданиями, а в некоторых местных традициях производимыми только в Васильев вечер, были гадания на урожай, семейные гадания о судьбе и подблюдные гадания.

Приготовление к «престолу» (так называли часовенный праздник) предполагало соблюдение определенного чина. В домах подготовка начиналась с ритуального омовения – наведения порядка и чистоты в доме, деревне, часовне, обязательного посещения бани. «Пол нашоркаешь, во сколько водах наполощешь, жёлтый сделается. Сначала лаптями пошоркаешь, голиком пошоркаешь, переплеты на рамах тоже голиком нашоркаешь, подоконник. Всё вышоркаешь. Потолки белили. Извёстки нападёт, до того домоешь», – рассказывает А.И. Боголепова (1929 г.р., д. Морщихинская). В праздник был строгий запрет на работу; даже в советское время, когда происходил процесс утраты традиций, в этот день работали только до обеда. Прежде всего, запрещается работа, которая лишает время святости.

День памяти святого, которому была посвящена часовня, являлся праздником деревни, на который собирались не только ее жители, но и многочисленные родственники и гости. Традиция «часовенного богомолья» – «перегащивания» крестьян от деревни к деревне, от одного праздника к другому, была необычайно важна для сохранения соборного уклада Кенозерья.

Часовенное богослужение в память «малых» праздников маркировалось колокольными звонами. Исследователями отмечено не только исключительное разнообразие звонниц кенозерских часовен, но и устройство храмов на местах, откуда звук имеет наибольшее распространение.

По церковному уставу богослужение в память Святого Василия Великого совершается всеобщее бдение вечером между 17:00 и 22:00 часами (ил. 2). Богослужение (утренняя молитва и литургия) в честь великих и средних праздников происходило в приходском соборе. Затем верующие переезжали в часовню и

совершали в ней «частные молебствия». В Кенозерье распространенным правилом было приглашение священника для совершения праздничной службы в часовне. Батюшка вычитывал церковные службы, кроме литургий. Традиционно и сами крестьяне по благословию священника вычитывали церковные службы.

Праздник Святого Василия Великого был престольным в часовне Св. Василия Великого в деревне Ряпусова и часовне Трех Святителей Вселенских в деревне Немята. Древний храм Аглимозерской пустыни (1690 г.) также был освящен в честь Трех Святителей Вселенских.

На праздничную службу в приходской храм и часовню крестьяне ездили на выездных санях (*ил. 3*). Наибольшее распространение для праздничных выездов получили сани-пошевни или возки. Пошевни получили такое название благодаря особенностям конструкции. Их кузов обшивали лубом, кожей, а в конце XIX – начале XX века тонким листовым железом. Наличие выездных саней было показателем достатка крестьянской семьи. Обычно они покупались или заказывались мастерам. Обеспеченные крестьяне могли позволить себе приобрести не только деревянные расписные сани, изготавливаемые местными мастерами, но и выездные сани «на городской манер»¹. На санях обычно проставлялись даты изготовления. Декор саней чаще всего сделан Олонецкой свободно-кистевой росписью. Своими истоками она связана с художественными традициями Древней Руси, нашедшими своё наиболее яркое воплощение в народном искусстве Русского Севера – Карелии, Архангельской, Вологодской областей.

По завершению богослужения начиналась трапеза. Щедрости, гостеприимству придавали огромное значение, с ними связывали благополучие дома и семьи. Трапеза имеет глубокое символическое значение. По народным понятиям, если два человека участвуют в общей трапезе «между ними рождается такая связь, что проклятия должны уступать». Широко известно выражение «Стол – Божья ладонь». Расположение стола под иконами связывало его с Господним или Богородичным престолом, поэтому стол в народном сознании воспринимался как престол, дающий благо. В старину верили, что «еда очищает от земного и превращает человека в неземное», поэтому расположение за столом приравнивали к пребыванию в раю. Мужчины занимали роль посредников между застольем и высшими силами, поэтому место «под иконами» предназначалось для них. Хозяин сидел за самоваром и резал резал хлеб. На стол подавала хозяйка, «большуха». В Кенозерье, даже в позднее колхозное время сохранялась традиция определенного места женщины за столом и особые правила праздничного застолья, например, употребление спиртных напитков разрешалось только мужчинам. За стол садились все вместе. Начиналась трапеза с молитвы и заканчивалось молитвой. «После молитвы Отец брал ложку, значит всем можно кушать» – рассказывает З.Я. Нефедова (1956 г.р., д. Морщихинская). Дети ели вместе с взрослыми, а если заканчивали раньше, то выходили из-за стола по лавке, за спинами взрослых. Запрещалось что-либо брать со стола с собой, говорили: «не кусовничайте, ешьте досыта за столом» (М.И. Тишина, 1965 г.р., д. Спицына). Были и особые приметы для девушек: «если девушка садилась с одной стороны, нужно ей

¹ Сани, санки, саночки...: Каталог выставки «Сухопутные средства передвижения на Русском Севере»: из собрания музея «Малые Корелы»/ сост. В.С. Жгилёв, Архангельск, 2013.

и выходить с этой же стороны. Иначе будет много детей, лишних не прокормить» (В.И. Басова, 1937 г.р., д. Морщихинская).

Новогодняя трапеза – «паужин» или «вечеря» (Е.А. Курмина, 1954 г.р., д. Морщихинская) в отличие от трапез в рождественский и крещенский сочельники, не была постной; в Васильев вечер ели все самое лучшее и вкусное, что было в доме (ил. 4). Вне зависимости какому празднику посвящено застолье, в первую очередь ставили хлеб и соль. Сакральными считались и напитки. На столе всегда стояла ендова с брагой, которая являлась древним символом плодородия. Во время трапезы сначала подавали мясной суп, жаркое, потом рыбник, калитки, к чаю пироги – белые «творушки», «ягодники» и на большой сковороде горячие, «зачинённые» творогом или толокном «блинчата». Напоследок подавался кисель – «погонялка» ягодный, ржаной или овсяный на выжимках, который являлся обрядовым блюдом. Благодаря своему изобилию и наличию скоромной пищи эта трапеза получила название – «щедруха». В состав праздничного стола входили обязательно «свинки» – пирожки с начинкой из толокна. Обрядовая выпечка в виде домашней скотинки предвещали изобилие и достаток в доме. В Новый год теща ходила к зятю со сдобными «свинками» и «калитками». Вероятно, название этого пирога связано со свиньей, а Св. Василий Великий почитался как покровитель свиней и пастухов (ил. 5). В Кенозерье приезжали купцы с Каргополя, привозили крендели, сладости, «конфеты длинные, разными бумажками обмотаны» (Т. П. Калитина, 1922 г.р., д. Усть-Поча), поэтому на столах появлялись и диковинные угощения.

В определенной связи с магией первого дня нового года находится обычай готовить в Васильев вечер кашу «васильевна» или «васильевщина» как обязательное праздничное блюдо, обставляя приготовление его особыми обрядами (ил. 6). По качеству каши судили о благополучии в наступающем году. По традиции, с вечера молодежь собиралась у кого-нибудь в избе: варили общую кашу (каждый приносил немного крупы), пили чай с кренделями, пряниками, конфетами. Разноречивы сведения о том, из какой крупы варили кашу «васильевщину»: П.Ф. Басова отмечает, что это овсяная каша, А.Ф. Пономарева – ячневая, а А.М. Попова говорит, что варилась каша из разных круп, кто какую принесет. В случае неудачного изготовления кашу не ели, а бросали в прорубь, что было своего рода шансом изменить predeterminedенную на будущий год судьбу. Бросание каши именно в прорубь свидетельствует о жертвенном характере данного действия.

Традиционная праздничная посуда кенозерских крестьян поражает не только богатством форм и назначений, но и многообразием её применения. Это различные керамические горшки, деревянные ковши и братины, металлические енды и чугунки, изготовленные кустарным способом. Наибольшее распространение в Кенозерье получила керамическая посуда. Ее изготовлением славились мастера деревни Карпова гора, которые лепили разнообразную крестьянскую посуду: корчаги, горшки, блюды, латки, кашники, простокишники, водохлебальные чашки, молочники, нутреннички, медунцы, а также игрушки с изображением животных и зверей. Карповские гончары заготавливали глину в местности Челма, расположенной на берегу Свиного озера. Копали глину на «прогалине», где она имела синий цвет. Затем глину замачивали в деревянных корытах. Через несколько суток стелили ее на холст и ногами разминали до превращения в однородную массу. Когда глина

«вымнется», её формовали в виде куба и заворачивали во влажный холст, чтобы не высыхала. Необходимое количество материала отрезали нитью или проволокой. Карповские мастера добавляли в глиняное тесто «дресву» – истолченную и просеянную крошку гранитных камней из банной печи – «камелёнки».

Глиняную посуду мастера изготавливали на ручном гончарном круге, используя способ «жгутового налёпа». Жгуты по спирали накладывали на стенки будущего сосуда, заглаживали снаружи и изнутри. Затем мастер одной рукой раскручивал гончарный круг, а другой рукой придавал сосуду необходимую форму. Сушили изделия на высоких полках – воронцах, обжигали в русской печи. После обжига карповская керамика становилась черной. Для того чтобы глиняная посуда не пропускала воду, ее щипцами вынимали из печки и «купали» в овсяном отваре – «солодыге». Поры на сосуде закрывались, предметы приобретали необычный рисунок от пригоревшей муки. Глиняную посуду и игрушки мастера продавали по кенозерским деревням и в ярмарочные дни вблизи церкви Успения Божией Матери в деревне Вершинино. Непременными атрибутами праздничного стола в Кенозерье были глиняные латки – продолговатые невысокие емкости, в которых подавали запеченные рыбу и мясо, картошку в сметане и супы, праздничную кашу и «упаренное» молоко. Почти каждая латка имела собственное наименование: в глубокой «картофнице» запекали картофель с молоком, «мясница» служила для приготовления мяса, в латках – «кисельницах» варили овсяный кисель, который в Васильев вечер выносили на мороз с просьбой: «Мороз, Мороз, ешь кисель, не клюй мой овёс».

Традиционно кенозеры, накрывая праздничный стол, использовали и различную деревянную посуду: ложки, черпаки, ковши – скобкари из капа, «кары» – доски с приподнятыми бортиками для раздела сваренного мяса), братины – ладьевидные сосуды, имеющие две рукоятки в виде головки птицы или коня (ил. 4). Большие и средние братины обычно использовали для подачи напитков на стол, малые – для индивидуального пользования.

Украшением праздничного стола были металлические енды или «янды» – невысокие круглые чаши на низком поддоне с носиком для слива в виде желобка (ил. 5). Большие енды вмещали до ведра жидкости.

С конца XIX века в Кенозерье в крестьянский обиход, благодаря развитому отходничеству в Санкт-Петербург (Петроград), попадают предметы городского быта, постепенно начинают появляться самовары, медные чайники и чугуны, фарфор и фаянс заводов братьев Кузнецовых, «чашечки Корниловского завода».

Непременным атрибутом праздника были молодежные гуляния. На Васильев вечер молодежь «укупала» (снимала) дом. «Кто что мог притащить из дому, мы ведь там жили-то худо, ничего не было, дак кто муки, кто молока, кто масло, кто простоквашу, кто картошку, кто мяса, мясо-то растили. Девочек-то много было, парней много, молодёжи-то у нас полно. Вот натаस्कэм всего, и вечером соберемся», – вспоминает А.И. Чистякова (1927 г. р., д. Усть-Поча). Эти гулянья, при активной роли всех участников, превращались в настоящий смотр – конкурс женихов и невест всей округи (ил. 7). На гуляньях пели, плясали, играли. Традиционными были веселые игры, например: «Гули-гули, раз». Сценарий игры был следующий: на скамейку садились парами девушки и парни, спинами друг к другу. После того, как девушки

скажут: «Гули-гули, раз», всем надо повернуться. Если пара повернется в одну сторону, то парень должен девушку поцеловать. Если пара поворачивается в разные стороны, то проигрывает и уходит, садятся другие играющие. Гуляния продолжались и на улице. Впервые мы выявили названия мест (чаще всего это были горки), где происходили катания или игра «снежные городки». «Бывало, заводили кататься с Кирилловой горки под гору в баню, Аполонкова горка между Баталовой и Аполонковым домом (А.И. Боголепова, 1929 г.р., д. Морщихинская). Катались с Лынгоры, Шубанихи, Микишкиной (Никифоровой), в Ливручье (Н.А. Антуфьева, 1958 г.р., д. Морщихинская). По рассказам Н.Ф. Пиялкиной (1947 г.р., д. Мыза) в Кенозерье в деревне Мыза популярной была Сыпь-гора.

Васильев вечер делил переходный период к новому годовому кругу на две части: на «святые вечера», освященные событием Рождества Христова, и «страшные вечера», отмеченные особым разгулом нечистой силы и активизацией пагубной деятельности колдунов. Васильев вечер был связан с играми, танцами и бесчинствами молодежи: подростков, молодых и неженатых парней. В этот вечер запрета ни на что не было: загораживали двери, растаскивали дрова, сено, дровни. В этот вечер бесшабашного веселья старались не приносить вреда только старикам и старухам. Шутили в основном «над молодыми», т.е. над семьями, где есть парни или девки. Это же подчеркивает и Л.Н. Горюнова из деревни Ожегово: «Трубу завалят, ворота зальют водой с песком – потом топором разрубали. Но это только если парни да девки в доме есть. А так не делали»¹. Н.М. Смолко из деревни Масельга вспоминает о васильевских забавах: «Мой брат Василий Макарович, тогда бравый моряк, приехал в деревню, у нас девки сняли двери с петель и закопали их в снег; семья проснулась от холода»². В это время много «капостили», т.е. проказничали, наряжались журавлем, конем, цыганкой. Гадали на росстани, иногда в амбаре. С.И. Глущевская (1947 г.р., д. Вершинино) рассказала о гадании: «В амбаре расстилали шкуру, чем-то ее очерчивали, но говорят, это было очень опасно, в этой шкуре человека могло закрутить».

Но большинство гаданий было связано с девичьим замужеством. По рассказам В.И. Басовой (1937 г.р., д. Морщихинская), «девушки «зачёртывались». На снегу вызывали чёрта. Вокруг себя палкой водили, говорили: «Чёрт, чёрт, покажи мою судьбу». Мне послышался поезд: ууууууу. Так и порешилась моя судьба. Уехала». А.И. Чистякова (1989 г.р. д. Морщихинская) рассказывает: «А гадали дак мололи жернова, пустой жёрнов крутят, а он имя выговариват, пустой жёрнов мелет, мелет, а тебе и покажется, что имя высекают. А потом куриц ещё выпускали, куриц раньше держали дак, выпустишь куриц, зерна насыплут, все сядут. Если петух впереди какой девки клюнет, дак та замуж раньше выйдет».

Праздничное веселье обязательно включало девичьи песни. Это и песня, напоминающая плач невесты «Не отдай меня, батюшка...», и корильные песни, в которых притворно ругают жителей соседних деревень, и плясовые, и песни, идущие «под кадрель и ланцу». Обрядовые песни всегда были связаны с магическими действиями, при помощи которых люди стремились воздействовать на силу природы.

¹ Мелехова Г.Н., Носов, Н.Н. Традиционный уклад Лекшмозерья: в 2-х ч. Ч. 2. М., 1994. С. 132. URL http://drevodelatel.ru/load/knigi/g_n_melekhova_tradicionnyj_uklad_lekshmozerja/1-1-0-41

² Там же.

Для того чтобы был хороший урожай, пели заклички и обрядовые песни. Год календарный и земледельческий начинался колядками, которые исполнялись с пожеланиями хорошего урожая.

Большую часть гуляний составляли пляски, столь любимые молодежью, что устраивались даже после тяжелого труда. Деревенские пляски исполнялись в своей естественной среде и имели определённые традиционные только для Кенозерья движения, ритмы, костюмы. Плясали, как правило, под музыку: под гармошку, балалайку или под собственные песни. Сначала плясали кадрили (в Кенозерье говорят, «ходили кадсель»), затем ланца (или ланцей) – разновидность кадрили; вьон, крохаль, портянку, кижя, топотуху, футы-нуты, обману (или обманку), иногда плясали «русского», когда один соперник в танце вызывал другого. «Кадрили ходили, кижя ходили, девки русского ходили, а еще портяночку и ланца», – вспоминают кенозеры.

Представим краткую характеристику некоторых танцев. Кадриль – народный, плясовой танец, который был очень популярен в Кенозерье. Любой деревенский праздник начинался с этого общего веселого подвижного парного танца. «В праздники у нас сначала кадсель ходили», – говорят старожилы, вспоминая молодость. В Кенозерье существовало несколько разновидностей кадрили: линейная Усть-Поченская, линейная Вершининская, ланце, «Восьмера», «Шестёрочка» (в Лекшмозерье) и т.д. Изначально в кенозерских деревнях кадрили вели («заправляли») мужчины, однако к середине XX века основную роль в танце стали играть женщины. Долгие годы «командиром» в Вершининской кадрили, которая состояла из 22 фигур, была А.Н. Губина (1926–2013). Кадриль – очень быстрый танец, который требовал умения и ловкости в исполнении. В кадрили нельзя было медлить: все участники танца должны были успеть исполнить все элементы в определенном порядке под команды ведущего, который выкрикивал названия фигур: «Проходная», «Воротца», «Кавалеры в коробочку, барышни в верёвочку», «Прогулочка», «Кавалеры на места, барышни креста», «Галопа», «Распиловочка», «Кена» и т.д., которые усложнялись «своими коленцами». Каждая фигура имела свое музыкальное или песенное сопровождение. В одной из фигур происходил обмен частушками, в другой – девушки плавно ходили, а парни перед ними отплясывали «русского», показывая свой характер. Этот довольно сложный деревенский танец «длился около часу, а то и более». Многообразие разновидностей этого танца и обилие фигур позволило специалистам сделать вывод об уникальности кенозерской кадрили. Портянка – одиночный танец, появившийся в Кенозерье в 1920-е годы благодаря мужчинам, вернувшимся с фронтов Первой мировой и Гражданской войн. Первоначально это был мужской танец, который плясали «стенка на стенку», т.е. все вставали друг против друга двумя рядами. Крайний начинал с частушки, а потом запевали песню, менялись рядами. Каждый танцор демонстрировал в «портянке» свою удаль и выходку. Портянку могли танцевать очень долго. Пели под «Портянку» подобные куплеты-частушки:

Распортянилась портянка,
Расшинелилась шинель,
Приглашай меня на танец
Коль не лень!

Ланце – праздничный парный танец, распространившийся в Кенозерье в начале XIX века, благодаря кенозерам, принимавшим участие в Отечественной войне 1812 года. Ланце является одной из разновидностей кадрили. От быстрой кадрили ланце отличается тем, что это медленный, манерный танец, где каждый мог показать свой характер. Ланце («ланцы», «лансье», «лянце») танцевали только в праздники. В этом танце не было строгих правил, разновозрастные пары могли двигаться вольно и изящно. Особенностью кенозерской ланцы является то, что «её водили» только замужние молодые женщины.

Любимыми музыкальными инструментами были гармонь и балалайка (ил. 8). Гармонь становится массовым и любимым инструментом в русской деревне с XX века. Гармонисты были неотъемлемыми участниками деревенской молодежной вечеринки. Их репертуар состоял из плясовых и танцевальных наигрышей, а также аккомпанементов пению песен и частушек. Среди них значительное число наигрышей, сопровождающихся или предназначенных для сопровождения пения. Во многих русских деревнях были собственные наигрыши, по которым исполнителя узнавали на гулянии. Инструмент настолько прижился в русском народе, что сегодня даже многими носителями традиции гармонь считается национальным инструментом, хотя известно ее немецкое происхождение¹. Балалайка – трёхструнный щипковый музыкальный инструмент, один из самых ярких и характерных инструментов в русской фольклорной традиции, ставший символом русского народного духа. Делают балалайку обычно из ели, иногда применяя и более дорогие древесные породы. Основным применением балалайки было аккомпанирование танцам и пляскам. Часто с балалайками ходили по деревне, пели частушки. Фольклорная традиция игры на балалайке сохранилась до нашего времени.

Веселые гуляния в Васильев вечер имели одну важную особенность: вечерки с игрищами старались завершить пораньше – до полуночи, «до первых петухов», люди опасались посещения нечистой силы, начинающей во второй половине Святков свой разгул.

Многие отмеченные праздничные обряды, относящиеся ко времени встречи Нового года в крестьянском сообществе, сохраняют свою актуальность и в настоящее время. Существенная разница состоит в том, что сегодня обряды воспринимаются как «элементы праздника», в XIX веке они имели глубокие охранительные функции, завещанные предками.

С целью возрождения праздника «Васильев вечер» на территории Кенозерского национального парка и разработки туристического предложения, в 2014 году было проведено социологическое исследование «Анализ динамики сохранности обрядовой праздничной культуры Кенозерья» методом анкетного опроса местных жителей деревень Вершинино, Морщихинская и Усть-Поча в возрасте от 40 и более лет. Всего было опрошено 200 человек. На вопрос о том, празднуются ли в семьях респондентов зимние праздники – Васильев вечер, Рождество Христово, Святки, Крещение с соблюдением традиций, 43% респондентов ответили, что зимние праздники в их семьях празднуются традиционно (в советских традициях); 50% ответили, что

¹ Михайлов Е. П., Михайлова Н. С. Музыка северной деревни: Традиционные музыкальные инструменты из фондов Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Киж», Карельского государственного краеведческого музея и частных коллекций. Петрозаводск, 2009.

используют элементы старых традиционных праздников; 3% респондентов ответили, что перечисленные зимние праздники в настоящее время в их семьях не отмечаются. 4% респондентов затруднились ответить на данный вопрос. На вопрос о том, хотели бы респонденты, чтобы традиционное празднование зимних праздников – Васильев вечер, Рождество Христово, Святки, Крещение было возрождено, в 2014 году 47% респондентов ответили, что хотели бы; 18% – не хотели бы; 35% респондентов затруднились ответить на данный вопрос¹. Данный опрос показал постепенное затухание традиционных праздничных обрядов на территории Кенозерья.

«Носители» информации – это пожилые люди, и их ценные знания постепенно уходят вместе с ними. Интервьюирование местных жителей в возрасте более 60 лет продемонстрировало высокую сохранность знаний о зимних праздниках. С целью сохранения, возрождения и интерпретации обрядовой праздничной культуры мы стали формировать медиа-архив на основе фонограммархивов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Пушкинского Дома, Петрозаводской государственной консерватории, САФУ и других научных центров, комплектовавших материалы на территории Кенозерья. Архив позволил уберечь от забвения праздничные обряды и комплекс произведений песенной культуры.

Важной позицией при возрождении православного праздника должна быть память о том, что событие начиналось с Богослужения, где вычитывались проповеди и Поучения Святого. Это создавало высокий духовный настрой у крестьян в праздничный день. В музейном фонде Кенозерского национального парка хранится книга «Поучения Святого Василия Великого», полученная в дар от жительницы деревни Вершинино П.Н. Ножкиной. Приведем краткий текст из книги Святого, который был Наставлением в этот особый день: «Родители должны воспитывать детей в учении и наставлении Господнем с кротостью и долготерпением, не подавать никакого повода к гневу и скорби. Сначала себя исправить от недостатка, а потом обвинять другого. Обличать брата с раздражением, гневом, значит не его освобождать от греха, но самого ввергать в погрешности. Христианин должен быть долготерпимым, незлобным, кротким, человеколюбивым, снисходительным, мудрым, благоразумным, своими поступками показывать хорошие примеры. Кто с силах, тот должен работать и делиться с имеющими нужду»².

В настоящем исследовании мы достаточно подробно описали структуру праздника «Васильев вечер»: подготовка – «омовение» домов и часовен, колокольные звоны, оповещающие о церковной службе, богослужение, трапеза, деревенские гуляния. Важно при возрождении праздничных действий, осознавать, что событие происходит не только в доме, но и, прежде всего, в ландшафте, который имеет свою особую ценность во время происходящих событий. Маркерами ландшафта являются часовни и церкви, в которых происходит богослужение, росстани, где «ворожат», горки для развлечений на санях и другое.

¹ Колобова Е.В. Анализ динамики сохранности обрядовой праздничной культуры Кенозерья /Шатковская Е.Ф., Мелютин М.Н. и др. Аналитическая справка «Сохранение историко-культурного наследия и развитие культурных ландшафтов кенозерского национального парка». Архангельск, 2014 г. Рукопись. Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 363.

² Поучения Святого Василия Великого. М., 1904. Кенозерский национальный парк. НВ 729.

На основе вышеизложенного научного материала сотрудники Кенозерского национального парка разработали сценарий и организовали праздник «Васильев день в Кенозерье». Репрезентация традиционного праздничного ритуала была устроена в формате «погружения в среду». Известно, что только в случае, когда человек пропускает информацию через личные эмоции, событие становится для него действительно значимым. Богослужение, домашняя трапеза, молодежные гуляния, тихая молитва на урожай хлеба, здоровье скота, благополучие человека и ожидание чуда в новом году – это и есть праздничный ритуал Дня Василия Великого, который был содержанием жизни наших предков. Смысл и глубину православного праздника необходимо познавать всем, кто приобщается к деятельности по возрождению празднично-обрядовой культуры. Участие в этом процессе в качестве главных действующих лиц представителей локального сообщества является залогом сохранения и развития территории.

Такахаси Санами

Культурное наследие Валаамского монастыря в России позднего социализма (на основе анализа архивных материалов и периодики)

Валаамский архипелаг, располагающийся на Ладожском озере, наряду с Соловками и Кижамми, считается одной из святынь на Севере России. Валаам является одним из самых ранних и острых примеров современных конфликтов монастырей с местными светскими организациями, начавшимися после распада Советской власти. После того, как возрождение Валаамского монастыря началось в 1990 г., проявились стремление вернуть ушедший пейзаж, восстановить в своих руках контроль над всем островным хозяйством и, наконец, началось переселение местных светских жителей на материк. Если для большинства Валаамский монастырь сегодня считается возрожденным святым местом, то для некоторых он является примером православного экстремизма.

В последние десятилетия существования советской России активно обсуждалась проблематика национальной идентичности. В этом своеобразном «Русском национализме», как это будет рассмотрено ниже, возрождались разнообразные образы России, которые сформировались еще во второй половине XIX в. под влиянием романтизма. В этом процессе Русский Север приобрел особое значение, совместившись с образом хранилища фольклора, старообрядческой веры, лесов и озер, красота которых оказалась не нарушенной современными «творениями»... Дело в том, что на своеобразный «Русский национализм», сложившийся в XX в., воздействовал не только романтизм, но и, как наш анализ показывает, экономические (массовый туризм) и политические (коммунистическое воспитание трудящихся) факторы. Анализ формирования туристических мест и маршрутов по бывшим святым местам проясняет взаимоотношение культуры с религией и особенности эволюции религиозности советских людей в конце XX в. Однако, поскольку это было «атеистическое» время, сегодня мало тех, кто